

Виктор Васильевич Брюховецкий родился в 1945 году в Алейске Алтайского края. Около 50 лет проработал на опытном заводе государственного института прикладной химии, служил в рядах Советской армии. Заочно окончил Ленинградский институт авиационного приборостроения по профессии инженер-электро механик. Поэт, прозаик, член Союза писателей России, автор 14 поэтических книг, более 100 публикаций в отечественных журналах. Лауреат всероссийских литературных премий им. А. Прокофьева, им. А. Невского, Пушкинской (Нью-Йорк), журналов «Москва», «Наш современник», «Нева» и др. Живёт в пос. Кузьмолловский Всеволожского района Ленинградской области.

Виктор БРЮХОВЕЦКИЙ

«Я ВИЖУ СОЛНЦЕ И МОЛЮСЬ ЕМУ»

Судьбы моей суровый матерьял
С заплатами соломенного цвета...
О, знать бы, кто меня
на прочность проверял,
И сна лишал, и не давал ответа.

Водил смотреть, как через край
стрехи
Снопы лучей швыряет солнце
в окна,
Как зноя летнего тягучие волокна
Качают острых тополей верхи.

Подсказывал, мол, вот,
где скрыто всё, —
В огромном диске яростного
света!..
Сармат кузнец, когда приметил
это,
Ось отковал и вставил в колесо!

Тележное — со скрипом
и подпрыгом,
Оно свело кочевника с ума...
И покатилося солнышко
по ригам,
Ссылая золотишко в закрома.

Вставали тени и ложились криво.
Дышали многоярусно стада.
Пластая крылья, прижимались
к гривам,
Добычу настигая, беркута

И замирали в развороте гордом,
Нацеливая страшный свой удар.
Дымилась печень, и,
кровеня морды,
Саженой рысью волки шли
под яр.

А солнце било это всё с размаху
Лучами света в локоть толщиной,
И, расправляя под ремнём
рубаху,
Пел человек, влюбляясь в шар
земной.

Я песню эту слышу сквозь эпохи
И, принимая будущую тьму,
В любом цветке, в любом
чертополохе
Я вижу солнце и молюсь ему.

ПРИШЁЛ НОЯБРЬ...

Пришёл ноябрь, и с ним пришло
безделье.
С утра дождит, под вечер
мокрый снег.
Хозяйка спит, хозяин варит зелье
И точит ножик... Чем не печенег?

Потом — декабрь, буранные
заносы,
Собачий гон, звенящий хруст
подков...
Куда ни кинь — кругом одни
вопросы,
Как собранные колья в частокол.

Господь в углу, где соткана
паучья
Лихая сеть из яда и слюны,
На пламя дует. Польшают сучья.
В трубе поёт. А около стены,

Средь хомутов и трёпаного
плиса,
Где с каблуков осыпана земля,
По сторонам поглядывая, крыса
Сидит, смешно ушами шевеля.

Другой бы в крик, а мне она
безвредна,
И ни к чему, и просто всё равно...
На стёклах дождь.
На километры — бездна.
Россия. И разгадки не дано.

Поездная тоска. Ни рукой,
ни ногой...
Выгибается поезд гремящей
дугой!
Наплывают поля, уплывают
поля.
Чернозёма пласты, ястреба,
гоголя...
Вот скажи: где такое увидишь
ещё?
Да нигде. Да ни в жизнь.
Ни в какие века!
Чернозём... Ястреба... Тополя...
Вороньё...
Лебединая песнь! Золотая строка!
Поезд порет пространство
на тряпки, как холст.
Убегают колосья за край
ковылей.
Мне любить эту жизнь
до разлуки, до звёзд,
До последней великой печали
моей.

От сарматских времён —
 золочёная Русь!
Я вдыхаю простор, задохнуться
 боюсь.
Ветер пахнет медово, горячий,
 густой,
Вышибает слезу и, кружась
 над верстой,
Тучи гонит на запад.
А мне — на восток!
Размотайте, колеса, сомнений
 моток
Между небом и твердью,
 среди этой красы
В две весёлых, блестящих
 стальных полосы,
Чтоб душа замирала, от воли
 пьяна,
И трезвела от счастья —
 какая страна!

К ним под вечер с делянок
 мороз приходил,
И печные дымы устремлялись
 к звезде.
Бился повод, и капала пена
 с удил,
Превращаясь в слюду.
 И мерцало в слюде.
Опрокинется Ковш, колыхнутся
 Весы,
Млечный Путь из белёсого
 станет седым,
Загрохочут цепями тяжёлые псы,
На нощлег разбираясь по будкам
 своим...
Это было в далёком суровом
 краю.
Там на крик «выходи!» отвечали
 «стреляй!».

Там спустили убитых тела
 в польнюю
Ушаковки-реки: мол, храни,
 не теряй!..
Закрутила река в ледяную
 струю
Обнажённую страшную тайну
 сию,
Но сберечь не смогла,
 расплескала в камнях...
Я представляю тот ужас, конвой
 на конях, —
И, представив расстрельным себя,
 на ветру,
Я гнедому конвою
 «стреляйте!..» — ору.
Не стреляют. Их нет.
 Их зарыли уже.
Для чего же сходились
 на том рубеже?

ДУША

Отгоревала, отлюбила?
Нет, нет! Она ещё жива,
Она ещё найдёт слова,
И вздрогнет в колоколе било!
Сегодня утром рано-рано,
Когда ещё не рассвело,
Тяжёлой дробью из тумана
Ей кто-то выстрелил в крыло.
Ну что ж, подобное не редкость.
И я приветствую стрелков
За их настойчивость и меткость,
За хладнокровие курков.
Стреляйте! Пусть сочится кровью,
Пусть ноет рана и горит,
Душа вас отблагодарит
И состраданьем, и любовью.

Она обязана любить:
И тех, что словом окрыляют,
И тех, что по крылам стреляют...
Чур, люди! Только не убить...

НОЙ

Очнулся Ной, а на дворе Россия.
Лицо расплоснув о стекло окна,
В дом смотрит Хам, глаза его
косые

Ещё хмельны от блуда и вина.
Тревожно гоготала птица
в клетки,

Рассвет во двор катился
по крыльцу,

И Ной подумал: «Ох уж эти
дети,

С друзьями пьют, а жрать идут
к отцу...»

Телега прогремела под окошком,
Прошли крестьяне в поле
на свеклу́.

Ной птицу накормил зерном.
Картошку

Хам разогрел и сел один к столу.
Потом он спал.

А Ной, хрустя артрозом,
Носил в сарай дрова, травил
жуков,

Потом кусты подкармливал
навозом,

Потом смотрел на пьяных
мужиков,

Что шли, шатаясь, по домам
с работы.

Потом проснулся Хам и снова ел.
Поев, ушёл — и никакой заботы...

А Ной трудился, думал
и смотрел...

Созрело яблоко!
В селе заготконтора
Не принимает фрукты —
нет нужды.

И Ной подумал: сколько же
вражды!

И усмехнулся: яблочки раздора.
Растим, гноим...

Шмурыгая резиной,
Крестьянки возвращались
вечеру.

Пришёл сосед за фруктами
с корзиной:
— Снесу свиные... Не пропадать
доброе...

Так день прошёл.
Под лампою лучистой
Ной грел суставы, Библию
листал.

Он думал, что он жить уже устал.
А жить ему вот так ещё лет
триста.

И постучишься в дверь.
И не спеша
Войдёшь в мой дом и грустно
улыбнёшься.

Рукою бережно волос моих
коснёшься,
И нежностью наполнится душа.

И спросишь, словно о своём
скорбях:

— Ну, как ты жил один все эти
годы?

— А я не жил. Я просто ждал
тебя,

Как вечный пленник ждёт
глоток свободы.

Младенец сопел и пелёнки мочил,
Не знал о своей удивительной
роли
И всё-таки, словно
в предчувствии боли,
Сжимал кулачки и ногами сучил.

СЛОБОДА

Лилии Стариковой

Крепка Россия Бугульмой!
Хочу домой, хочу домой...
2017

Бугульме... Бугульму...
Бугульма...
Степь да степь, ни куста,
ни холма.

Чернозём, кизяки, саманы
Да метельная песнь сатаны.

Как завоюет в трубе, загудит!
Печь откликнется и зачадит,
И сверчок засверчит в полутьме:
— Бугульма... Бугульму...
Бугульме...

Застучит за стеной пулемёт,
Развернутся лавины в намёт
И сойдутся, как сходят с ума.
Бугульму... Бугульме...
Бугульма...

Голос прошлого звонкий такой,
Как рассветных сорок ворожба!
И подать до Урала рукой,
Но Урал переплыть не судьба.

Не судьба, моя жизнь, не судьба!
Засыпаю и вижу раба,
Что к свободе идёт через степь,
Где и ставит надёжную крепь...

Горизонт, ковыли, удила,
Тень косоного крыла от орла,
Тропота с перезвоном подков
Да живая вода родников.

А касается худшей беды —
Здесь добудут и мёртвой воды,
И пока там разборки да суд,
Принесут, окропят и спасут.

ОТ УРАЛА ДО КАЗАНИ

За окошком серость, морось.
Замер лес, ни ветерка,
Только музыка и скорость,
Да дорожная тоска.

Бабы... Рыжики с глазами...
Горы зелени-ботвы...
От Урала до Казани,
От Казани до Москвы...

На обочины и пашни
Серый день роняет тень.
За плечами день вчерашний,
Впереди грядущий день.

Сытый скот, колодцы, крыши,
В полосе горох с овсом...
Эту повесть не опишешь
Ни пером, ни колесом.

Эту повесть надо сердцем
Слушать, под соском держать,
С инородцем-иноверцем
На два голоса читать.

Это надо зреть глазами
Мудрыми. Как у совы!..
От Урала до Казани,
От Казани до Москвы...

Назидали: «Солнце вечно, Сосо.
Без него, Сосо, погибнет земля...»
Покатилось по земле колесо,
Докатилось колесо до Кремля.

След глубокий проторило оно,
Кровью залило глаза и уста...
Говорят, что это было давно,
До Владимира ещё, до Христа.

Будто было это в той стороне,
Где дома стоят на курьих ногах,
Где всю осень веют злак на гумне
И всё лето косят травы в лугах.

Где живут, не понимая зачем,
И поют, не понимая о чём,
Где, когда берут на цепь,
то затем
Отпевают, обернув кумачом.

И тоскуют о далёком былом,
О своём не уставая вздыхать,
И, плугами шевеля чернозём,
Всё, что было, норовят
запахать.

*За окном российская темница,
Страшная темница,
Темнота.*

Б.Корнилов

Бессонница... Тоска...
Не потому ль темно
И сумеречно так, хоть запирай
хоромы.

На «голубом глазу» бандитское
кино,
Переключу канал — нацисты
и погромы.

Смотри и выбирай!
Найдётся на Руси
На всякого, а нет — купи билет
в Египет,
Там сфинксы и пески,
двугорбые такси,
И толпы Нефертить,
и Нил ещё не выпит.

А можно и южней,
В Судан, к нубийским львам:
Потрогать их усы, слегка
взъерошить гривы,
Покинув отчий дом, где солнце
по утрам,
Рассеивая мрак, идёт
неторопливо

По золоту хлебов,
Над трубами печей,
Гуляет вдоль шоссе, бликует
на капоте,

Кладя на руль авто тепло
своих лучей
На самом злом твоём и дерзком
повороте.

Но время есть ещё,
Остановиться чтоб
И не упасть за край истерзанной
России.
Лихую эту тьму великий эфиоп
Сумел же одолеть, хватило
всё же силы.

У ВЕЧЕРНЕГО КОЛОДЦА

Заправить пеньку
в оцинкованный коуш,
Отметить, что солнце уже
не палит...

Смерть входит без стука.
Хозяйка.
Чего уж...
А я не готов, хоть помыт
и побрит.

Побрит, но не брит, не латыш,
не пшеклентый,
Советский российский,
Пропахший костром,
Живущий землёй не арендной,
не рентной,
А честной, добытой тяжёлым
трудом.

Не молод уже, но в порядке
и в силе,
И эта хозяйка пока не моя...
Гудели комбайны, и псы голосили,
И тучи белёсой кривые края

Висели над полем, как рваные
свитки,
Где всякое слово старо и мудро...

Мычали коровы, скрипели
калитки,
И ворот скрипел, и гремело
ведро;

Дрожала пенька, и хрустальная
влага
Плескалась и падала вниз
тяжело...

Домашних гусей за ватагой
ватага
С пшеничных полей
возвращалась в село.

И я понимал, что и солнце,
и гуси,
И красная жатка, и колос литой,
И в небе осеннем высокие гусли
Над славной отчизной, до боли
простой,

Во мне будут жить до последнего
часа,
И где-нибудь в самой забытой
дыре

Я вспомню, как я этим всем
облучался,
И буду спокоен на горьком одре.

